УДК 327:321

Багдасарян В.Э.

Поствестфальский мир: сценарии трансформации национального государства

Bagdasaryan V.E.

Postwestphalia world: scenarios of the nation state transformation

В статье рассматриваются сценарные прогнозы трансформации модели государства. Диагностируется крушение системы государств-наций и конструирование новой поствестфальской системы мироустройства. Доказывается проектный, управляемый характер разрушения системы национальных государств и перехода к модели глобального управления. Тенденциям десуверенизации национальных государств противопоставляется концепт восстановления системы государств-цивилизаций.

Ключевые слова: трансформация государства, национальное государство, государство-цивилизация, суверенитет, десуверенизация, сценарные прогнозы.

Многими современными аналитиками прогнозируется в ближайшей временной перспективе демонтаж международной Вестфальской системы. Эта система представляет собой модель мира как консорциум государств-наций. Суверенитет в национальном государстве принадлежит нации, трактуемой в категориях гражданственности. И вот, эта система, позиционируемая в качестве универсальной, приходит, по-видимому, к своему завершению. Возникает научный вызов определения направлений грядущей трансформации национального государства. Ответ на этот вызов сформировал повестку представляемого исследования, как выявление вероятных футурологических перспектив глобальных трансформационных процессов. Соотнесение современного дискурса о будущем государства с логикой мировых исторических изменений приводит к переосмыслению феномена государственного суверенитета. Выдвигаемая гипотеза состоит в переходе от модели государства-нации к воссоздаваемой со времен домодерна модели государства-цивилизации.

Методы

Представляемое исследование соотносится с направлением научной футурологии. Будущее государство рассматривается в рамках вероятностной развертки сценарного проектирования. Каждый из заявляемых в общественно-научном дискурсе сценариев трансформации национального государства оценивается с точки зрения его реалистичности и мировых геополитических последствий. Делается теоретическое допущение о возможности проектирования исторического процесса. Применяемые методы соотносятся с идущей от трудов Ф. Броделя и И. Валлерстайна методологической традицией мир-системного моделирования.

Результаты

Между полюсами неолиберализма и пангосударственничества

Как будто специально для России были сказаны слова французского философа и поэта Поля Валери: «Если *государство* могущественно, оно *нас* расплющивает. Если *государство* слабо, *мы* погибли». За прошлое столетие Россия смогла ощутить на

себе риски обеих экстрем. С одной стороны, она пережила период тотальности государственного контроля и принуждения, когда государство «расплющивало» личность и общество. Но не менее катастрофическим для большинства оказался и период самоустранения государства от управления социальными процессами. Обе эти экстремы и сегодня задают содержания дискурса о футурологии государства.

Один полюс представляет идеология пангосударственничества. Она основывается на взгляде, что деятельным актором в сложных социальных системах может выступать исключительно государство. Реально такая модель утверждает сверхбюрократизм, всевластие чиновника. Государство не только не укрепляется, но, напротив, дезавуируется коррупцией и непотизмом.

Не менее опасна экстрема идеологии неолиберальной глобализации. Роль государства предельно минимизируется, функции ограничиваются. Государство сбрасывает с себя социальные обременители, и общество возвращается к состоянию, утверждающую право сильного. Но одновременно, вместе с ослаблением национального государства, усиливаются позиции глобального мирового проектера. Очевидна взаимосвязь этих процессов. Национальные государства десуверенизуются в пользу нового наднационального глобального суверена[1].

Подходам, связанным с утверждением чистых моделей, может быть противопоставлен подход, ориентированный на решение задач нахождения оптимума. В данном случае речь идет об оптимуме «огосударствления». Для каждой из стран этот оптимум эксклюзивен. Он определяется средовыми природными условиями существования, характером внешнего окружения, особенностями национального менталитета. Этот опыт вырабатывается путем исторического опыта, путем проб и ошибок. Цивилизационный подход к государствогенезу как раз и отличается принципиально от подхода чистых моделей. Государство в нем аккумулирует лучшие исторически отобранные социальные практики соответствующей социальной общности.

Футурология трансформации государства. Прогноз об отмирании государства-нации и глобальное социальное проектирование.

Один из главных вызовов современности – пророчествуемая многими экспертами и политиками гибель института национального государства. Основанием для таких пророчеств являются следующие соображения:

1). формирование под влиянием единой мировой коммуникационной сети глобального всечеловеческого гражданства («общество новых кочевников» Ж. Аттали [2]);

2). снижение способностей государства регулировать экономику, интегрируемую в мировой рынок;

3). рост транснациональных структур, крупнейшие из которых обладают более весомым потенциалом, нежели национальные государства;

4). актуализация глобальных проблем человечества, предполагающая наличие наднациональных и субнациональных центров власти – мирового правительства.

Эпоха, утвержденная Вестфальским миром, провозглашается завершенной[3]. «Вместо самодостаточного государства, – предсказывают современные западные футурологи, – придет сеть, созданная транснациональными фирмами, свободными от территориального порядка и представляющими открытую систему без границ»[4]. Другие сторонники концепта отмирания национального государства придерживаются концепции грядущего нео-медивализма, подразумевающего модельную реконструкцию на новом витке развития довестфальской системы средневековой Европы[5]. Описываются картины нео-медивалистских сетей торгующих между собой городов. Средневековый союз «Ганза» используется как прообраз этой модели.

Однако солидаризации в оценке отмирания института национального государства в мировой политологической мысли не существует. Оппонирующие позиции занимают сторонники концептов «гибкого национального государства» и «измененного национального государства». Признавая происходящие в современном мире изменения, они говорят не об отмирании государственных институтов, а об оптимизации государственно-управленческих технологий.

В 2012 году широкой общественности был предъявлен очередной публичный доклад ЦРУ, представляющий сценарные тренды развития мира до 2030 года[6]. Декларируется, в частности, что до 2030 года будет осуществлен глобальный переход от углеводородного сырья к новым источникам энергии. Наиболее пострадают, согласно этому прогнозу, те страны, которые связывают свое развитие с прежним энергетическим базисом. Понятно, что к России это имеет непосредственное отношение.

Прогнозируется, что качество жизни человечества повысится существенным образом. Но, вместе с тем, говорится о столкновении ряда регионов мира с обострением проблемы голода и нехватки питьевой воды. Как понимать это противоречие? Очевидно, только таким образом, что на карте мира будут выделены зоны неразвития, в которые могут угодить государства-изгои.

Экспертами ЦРУ выдвигаются четыре основных сценарных прогноза развития мира. Три из них – нежелательные и один – желательный, который, собственно, и представляется как проект. Каждому из сценариев присвоено афористичное наименование: «заглохшие моторы», «джин из бутылки», «корпоративный мир» и «слияние». По сути, охвачены оказались все основные из присутствующих в экспертном дискурсе моделей трансформации государства в перспективе нескольких десятилетий.

Сценарий «заглохшие моторы». Неолиберальное разгосударствление и упразднение модели социального государства.

Сценарий «заглохшие моторы» описывает ситуацию, при которой система национально-государственных суверенитетов остается в качестве легитимной мироустроительной модели. Этот сценарный вариант описывается как путь системной деградации. Формальные держатели суверенитетов национальные государства утрачивают реальную власть. Национальные государства будут все более обнаруживать неспособность адекватного реагирования на возникающие вызовы. В силу своей нефункциональности, они в восприятии большинства населения утрачивают легитимность. Их нефункциональность определяется, в свою очередь, отсутствием должных ресурсных возможностей. Ресурсы же у государств отсутствуют не в последнюю очередь в виду доминирования неолиберальной теории. Взгляд на государство как на «ночного сторожа» в классическом либерализме модифицировался в неолиберализме в концепт сервисной интерпретации содержания государственных политик.

Значимое заявление для контекста рассматриваемой темы сделал король Нидерландов Виллем-Александр. То, о чем в сущностном плане говорилось с начала кризиса 2008 года, было публично озвучено от лица монаршей особы[7]. Проект социального государства потерпел крах! Вместо модели социального государства утверждается модель «государства участия». Под благозвучным названием «государство участия» понимается, по сути, снятие государством с себя пакета социальных обязательств.

Сценарий «заглохшие моторы» не формулирует альтернативы вестфальской системы. Он лишь указывает на перспективы системной деградации, если такая альтернатива не будет найдена.

Сценарий «джин из бутылки». Неоимперские проекты. Концепт государства-цивилизации.

Сценарий «джин из бутылки», предполагающий переход суверенитета от множественности национальных государств к региональному лидеру, преподносится в аналитическом докладе ЦРУ как маловероятный. Сам образ, используемый в аналитическом докладе ЦРУ – «джин из бутылки» не адекватно отражает сложившуюся геополитическую реальность. Применяемая метафора подчеркивает неожиданность появления нового актора (акторов) силы. Но никакой неожиданности для мирового сообщества в том, что на уровне регионов мира имеется группа государств, способных потенциально составить конкуренцию не существует. Все номинанты на роль региональных аттракторов хорошо известны. Как правило, это те государства, которые являлись центрами локальных мир-систем еще в доглобализационную эпоху. Использование по отношению к ним категориального аппарата, связанного с дефиницием государства-нации дает сбой.

Более адекватно применение к этой группе социальных общностей понятия государства-цивилизации. Вошедшее

сравнительно недавно в широкий научный оборот понятие государство-цивилизация приобретает все более широкое распространение. [8] На современном этапе ряд региональных акторов бросает вызов мировой американской гегемонии. Эти акторы – все те же государства-цивилизации. Вместо вестфальской системы множественности суверенитетов государств-наций речь идет о модели суверенитетов ограниченных группой государств-цивилизаций. Все остальные государства делегируют в разной степени свои суверенные полномочия соответствующему региональному лидеру.

Модель полицентричного мира имеет, безусловно, для больших полупериферийных стран свою привлекательность. Но перспектива того, что именно она заменит в будущем вестфальскую систему, далеко не очевидны. Раздел сфер влияния между региональными акторами означал бы восстановление локальных мир-систем. Но тенденций свертываний мировой системы в пользу локальных мир-систем не прослеживается. Напротив, основные номинированные региональные лидеры сами тесно связаны с мировым центром и в разной степени зависят от него.

Сценарий «корпоративный мир». Государство-корпорация. «Новое средневековье».

Сценарий «корпоративный мир» предполагает переход реальных управленческих функций от государств к корпорациям. Соответственно, должен возникнуть вопрос о перераспределении суверенитета. Суверенитет в национальном государстве принадлежит нации. Государственная власть, соответственно, должна реализовывать национальные интересы. Но для государства-корпорации приоритетное значение имеют корпоративные интересы. Они могут противоречить интересам нации.

Корпорации на местах продуцируют устройство «большой корпорации». Чиновник в государственно-корпоративной модели – это уже не слуга народа, а поставленный на основе персональных отношений управляющий. Соответственно и ответственность его ориентирована не на народ, а на учредителей. Определенные параллели здесь можно провести с периодом феодализма. Дополнительные доводы в этой связи приобретает концепт грядущего «нового средневековья».

Модели государства-корпорации имеют страновые вариации. Условно можно говорить о различии западной и восточной системы. На Западе корпорации стоят, как правило, за ширмой власти. Политический класс кооптируется как креатура крупных финансово-экономических акторов. В восточной модели государства-корпорации основная акторная роль принадлежит не бизнесу, а чиновничеству. Корпоративные структуры выстраиваются вокруг чиновничьей элиты. Не бизнес определяет образ политического истэблишмента, а, наоборот, фигуранты государственной власти учреждают свой бизнес. Это дает основания для обвинения восточных систем в высокой степени коррупционности. Государства-нации и государства-корпорации могут исторически сосуществовать. Но силой в современном мире располагает тот, у кого имеются ресурсы. Позиции ТНК, соответственно, все более усиливаются. Происходящий корпоративный передел мира все более диссонирует с традиционными границами государств вестфальской системы.

Сценарий «Слияние». Мировое правительство.

С наибольшей очевидностью противоречит системе суверенитетов национальных государств четвертый сценарий из аналитического доклада ЦРУ – «Слияние». Именно на него в перечне сценарных прогнозов делается ставка как на желательный. Называя вещи своими именами, речь идет о мировом правительстве.

Понятие государственной территориальной суверенности лишается в рамках этого сценария прежнего абсолютистского значения. На повестке вопрос о том, что особо ценные, невосполняемые ресурсы (включая как минеральное сырье, так и, к примеру, запасы питьевой воды) должны принадлежать всему человечеству. Естественно, в фокусе внимания окажутся, прежде всего, природные ресурсы России. Тема русского «проклятья Сибири» уже приобрела, благодаря публикации, широкое международное звучание[9].

Необходимость мировой политической интеграции обосновывается благовидными целями. К таким аргументам, в частности,

относится рост террористических угроз. Поднимается тема ядерного терроризма. И вновь здесь артикулируется вопрос о высоких издержках для мира, связанных с суверенностью России, не способной будто бы должным образом контролировать свой ядерный военный арсенал. Политическая интеграция мира обосновывается также необходимостью «международного сообщества» для погашения локальных конфликтов и предотвращения «гуманитарных катастроф»[10]. О возможности подмены при этом гуманитарной миссии политическими задачами ярко свидетельствуют события в Ираке, Югославии, Ливии, Сирии.

Таким образом, из всех сценарных прогнозов развития мира следует вывод о грядущем упразднении системы вестфальского устройства с ее базовой категорией национально-государственного суверенитета. Такой переход предполагает начало активной фазы десуверенизации. К этому России надо быть готовой. Соответственно, должны быть изучены и современные механизмы и технологии поражения суверенитета.

Проблема суверенности государств в системе мировых отношений

Попытаемся разобраться с объяснительными моделями отношений государства с внешним миром. Традиционная объяснительная модель, идущая еще от просветителей (и очень популярная в просветительской среде) – система «робинзониады». Она применительно к теме суверенитета основывается на допущении, что государство не взаимодействует с внешним миром. Государство реализует свои суверенные функции через ряд составляющих — науку, идеологию, формирование политических элит, экономику, финансы, информацию, военное строительство, культуру и т. д. Но правильно ли само допущение об изолированности государств от внешнего мира? Не ведет ли оно к деформированному представлению? Ведь государств, на которых бы не влияла внешняя среда, нет и никогда не существовало.

Из понимания некорректности «робинзониадного» подхода возникает «диффузная» модель отношений государства с внешней средой. Сообразно с этим взглядом обнаруживается, что на все перечисленные выше составляющие государственного суверенитета помимо самого национального государства воздействует также внешняя среда. При этом не очевидно, какая из сил воздействует в большей, или меньшей степени. Суверенность становится уже не абсолютной категорией, а выражением определенного мерного соотношения.

Потребность в выдвижении третьей объяснительной модели определяется глобализационными процессами и формированием мирового политического актора. Геополитически роль такого актора связывается в настоящее время с США. При анализе латентных управленческих механизмов речь идет о надстоящих над американским политическим истэблишментом структурах.

Факторы государственного суверенитета и вызовы десуверенизации

Традиционный способ «поражения» суверенности имел военный характер. В классическом виде он представлял собой завоевание одним государством другого. Однако со временем технологии межгосударственной борьбы усложняются. Для «поражения» суверенитета теперь уже нет необходимости применения военной силы. Существуют и совершенствуются иные способы десуверенизации[11]. Соответственно и современный формат геополитической борьбы связывается с полем комбинаций несиловых управленческих технологий. Работа Френсиса Фукуямы с характерным названием «Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке» именно об этих тенденциях[12].

Акцент на понятие технология определяет отход от понимания проблемы как выявления единичных, диверсионных актов антигосударственной направленности. Речь идет о комплексе последовательных, взаимообусловленных шагов, цепочке, вызывающей на конечном звене своего действия эффект поражения суверенитета.

Технологии такого рода варьируются сегодня от прямого использования «пятой колонны» до программирования через принятие ошибочных научных концептов попадания «стратегических ловушек». Предварительный анализ позволяет идентифицировать около 70 основных факторов суверенитета современного государства и соответствующие направления их поражения[13].

Подмена понятия демократия: новый политический симулякр

Один из главных политических симулякров современности связан с использованием понятия демократия. Нет конституций стран мира, включая конституции наиболее автократичных и иерархизированных государств, не заявлявших бы о своей приверженности демократическим принципам. Эпоха постмодерна привела к тому, что демократия стала определяться прямо противоположным образом по отношению к своему исходному определению: нивелируется положение о демократии как власти большинства, как народовластия, представителями демократических сил позиционируется уже не большинство, а различные элитаристские группы.

Еще в 1974 году по заказу Трехсторонней комиссии С. Хантингтоном, М. Круазье и Дж. Ватануки был подготовлен доклад «Кризис демократии». Авторы приходили к заключению, что в замен демократии приходит новый иерархизм[14]. Фактически синхронно «Римский клуб» ставит вопрос о пределах экономического роста, а соответственно об опасности выравнивания потребления в мировом масштабе. Сегодня становится очевидным, что эти разработки сорокалетней давности имели проектный характер.

Неолиберализм сегодня принципиально разводит либеральную теорию и народовластие. В «цветные революции» на авансцену выходят некие политически активные группы, которые выступая под знаменем демократии, заявляют свое особое право контроля над национальным государством.

Меньшинство заявляет свое особое право формировать политику государства без легитимизации его положения поддержкой большинства. Легитимность ему придает не волеизъявление народа, а признание главным мировым актором. По большему счету, это означает отказ от национального суверенитета.

Ответ на вызовы десуверенизации

Как можно противостоять логике десуверенизации? Сообразно с представляемым нами ценностным подходом, развертка государственной политики осуществляется по следующей цепочке — ценности – цели – средства – результат. Но если нет ценностей, не может быть и целей, а если нет целей, не может быть результата. Не поэтому ли часто средства выдаются за цели? В таком качестве выступает, к примеру, концепт «реформирования». Но ведь реформы ни есть самоцель. Страна может быть реформирована ради достижения какого-то целевого состояния. А если это целевое состояние не определено, то реформирование оказывается ломкой без созидания.

Если нет ценностей, происходит также латентное ценностное замещение. Берутся ценности внешнего политического актора. Ценности и цели появляются, но они не субъектны по отношению к собственному государственному управлению. Посредством такого замещения государство десуверенизируется. Соответственно, вопрос о ценностном самоопределении как факторе обеспечения государственной суверенности – ключевой.

В актуальной повестке сталкиваются две модели государственного суверенитета. Первая модель опирается на систему Вестфальского мира. Это буржуазно-национальный суверенитет. Он предполагает распределение государств-наций по отдельным квартирам национального существования. Задача в данном случае – занять соответствующую нишу (желательно более комфортабельную), не подрывая самой системы мироустройства.

Но есть и другая модель суверенитета. Основным актором в ней выступает государство–цивилизация, реализующее собственную цивилизационную миссию. Суверенитет в этом случае понимается как идентичное цивилизационное мироустройство. Речь идет о выстраивании собственной мир-системы.

Анализ и выводы

Проведенный анализ подтвердил авторскую гипотезу о грядущем переосмыслении феномена государственного суверенитета. Вероятнее всего прежняя модель государства-нации будет все с большей очевидностью замещаться моделью государство-цивилизация. Альтернатива развития мира сводится к двум вероятным перспективам: 1. формирование мирового правительства и 2. установление системы цивилизационной многополярности. Столкновение этих перспектив предполагает усиление борьбы основных геополитических акторов, артикуляцию двух проектов мирового переустройства. Осью геополитического разлома

станет, по всей видимости, противопоставление западного (ориентированного на проект мирового правительства) и незападного (ориентированного на проект консорциума государств-цивилизаций) цивилизационных миров.

References

1. Sulakshin, S.S.About the surface of complex social system's successfulness (2011) International Journal of Interdisciplinary Social Sciences, 6 (2), pp. 127–144 .

2. Attali J.Millennium: winners and losers in the coming world order. NewYork: RandomHouse, 1991.

3. Kortunov S.V. Krushenie Vestfal'skogo mira i stanovlenie novogo mirovogo porjadka [The collapse of Westphalia world and the emergence of a new world order], Miroustrojstvo HH1: mirovozzrenie, miroporjadok, M., 2007. (In Russ.).

4. Kaflen Sh. Est' li budushhee u nacional'nogo gosudarstva [Is there any future for the nation-state], http://dialogs.org.ua/ru/cross/page13437.html

5. Jeko U. Srednie veka uzhe nachalis' [Middle Ages has already begun], Inostrannaja literature, 1994, № 4, p.p. 258–267 . (In Russ.)

6. Global Trends 2030: Alternative Worlds a publication of the National Intelligence Council //http://globaltrends2030.files.wordpress.com/2012/11/global-trends-2030-november2012.pdf

7. http://www.independent.co.uk/news/world/europe/dutch-king-willemalexander-declares-the-end-of-the-welfare-state-8822421.html

8. Rossijskaja gosudarstvennost': istoricheskie tradicii i vyzovy XXI veka [Russian statehood: historical traditions and challenges of the XXI century] Materialy Vseross. nauch.-obshhestv. konf., 19 sentjabrja 2012 g., Velikij Novgorod. M.: Nauchnyj jekspert, 2013. (In Russ.).

9. HillF., Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold Washington: BrookingsInstitutionPress,2003.

10. Doklad Mezhdunarodnoj komissii po voprosam vmeshatel'stva i gosudarstvennogo suvereniteta «Otvetstvennost' po zashhite». M., 2001. (In Russ.).

11. Jakunin V.I., Bagdasarjan V.Je., Sulakshin S.S. Novye tehnologii bor'by s rossijskoj gosudarstvennost'ju [New technologies struggle with the Russian State], M.: Nauchnyjj ekspert, 2012. (In Russ.)

12. Fukuyama F. State-Building: Governance and. World Order in the 21st Century. Cornell University Press, 2004.

13. Sulakshin, S.S. A quantitative political spectrum and forecasting of social evolution (2010) International Journal of Interdisciplinary Social Sciences, 5 (4), pp. 55–65 .

14. The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission // http://www.trilateral.org/download/doc/crisis_of_democracy.pdf

---

[1] Sulakshin, S.S.About the surface of complex social system's successfulness (2011) International Journal of Interdisciplinary Social Sciences, 6 (2), pp. 127–144 .

[2] Attali J. Millennium: winners and losers in the coming world order. New York: Random House, 1991

[3] Кортунов С.В. Крушение Вестфальского мира и становление нового мирового порядка // Мироустройство XX1: мировоззрение, миропорядок. М., 2007

[4] Кафлен Ш. Есть ли будущее у национального государства // http://dialogs.org.ua/ru/cross/page13437.html

[5] Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258–267 .

[6] Global Trends 2030: Alternative Worlds a publication of the National Intelligence Council // http://globaltrends2030.files.wordpress.com/2012/11/global-trends-2030-november2012.pdf

[7] http://www.independent.co.uk/news/world/europe/dutch-king-willemalexander-declares-the-end-of-the-welfare-state-8822421.html

[8] Российская государственность: исторические традиции и вызовы XXI века. Материалы Всеросс. науч.-обществ. конф., 19 сентября 2012 г., Великий Новгород. – М.: Научный эксперт, 2013.

[9] Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the. Cold. Washington: Brookings Institution Press, 2003.

[10] Доклад Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета «Ответственность по защите». М., 2001.

[11] Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Новые технологии борьбы с российской государственностью. М.: Научный эксперт, 2012.

[12] Fukuyama F. State-Building: Governance and. World Order in the 21st Century. Cornell University Press, 2004.

[13] Sulakshin, S.S. A quantitative political spectrum and forecasting of social evolution (2010) International Journal of Interdisciplinary Social Sciences, 5 (4), pp. 55–65 .

[14] The Crisis of Democracy: Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission // http://www.trilateral.org/download/doc/crisis_of_democracy.pdf